

Франция Макрона на векторе голлизма

Комментарий Центра АРВАК, 15.04.2024

С конца 2023 г. французская политика в отношении украинского конфликта значительно активизировалась. Параллельно оживилась дипломатия Парижа на южнокавказском региональном треке. Причем, в обоих случаях стали просматриваться признаки отказа Парижем от прежних подходов Пятой Республики к проблемам указанных регионов.

Если еще в январе 2023-го президент Э. Макрон был одним из немногих западных лидеров, настаивавших на необходимости диалога с Москвой и учета ее интересов в контексте украинского вопроса, то в настоящее время курс Парижа абсолютно диссонирует с его прежней позицией. Макрон фактически стал первым лидером в западной коалиции, открыто заявившим, что его страна готова принять непосредственное участие в украинской войне. Эти слова подкрепляются данными об интенсивной переброске французских соединений в Румынию и, собственно, саму Украину. Иной вопрос, каковы будут их задачи: защита портовых инфраструктур Одессы, диверсионные операции против российского миротворческого контингента в Молдове или функции заградительных отрядов, о чем постоянно говорят российские медиа ресурсы. Вне зависимости от своего предназначения французские войска на Украине – это прецедент непосредственного и прямого вмешательства страны-члена НАТО в войну. Кроме того, именно ФР на данном этапе последовательно лоббирует в европейских структурах нарратив наращивания военной и финансовой помощи Киеву в целях создания необходимых условий для анонсированной Зеленским *«второй контрнаступательной кампании»*.

На южнокавказском треке слом прежних подходов Парижа прежде всего наблюдается в разбалансировке отношений Пятой Республики со странами региона. Если до недавнего времени Франция придерживалась политики равновесного сотрудничества с южнокавказскими субъектами, то сейчас такой подход претерпевает серьезную трансформацию. Связанные с объективными историческими обстоятельствами особые взаимоотношения Франции с Арменией и членство Еревана в клубе Франкофонии не мешали Парижу на протяжении трех десятилетий поддерживать хорошие отношения как с Грузией, так и с Азербайджаном. В случае с последним основной площадкой взаимодействия и тесных связей служила сфера экономики и, особенно, участие крупного французского капитала в энергетических и энерго-сырьевых консорциумах АзР. Одно только участие французского энергетического гиганта *Total* в проектах разведки, добычи и экспорта азербайджанской нефти и газа обеспечивало необходимый обширный ресурс взаимной лояльности, достаточный для нейтрализации «рисков» для Баку от стабильно теплеющих взаимоотношений Парижа с Ереваном. Азербайджан, в свою очередь, посредством экономического лоббинга во Франции успешно нейтрализовал опасности трансформации взаимосвязи ФР и РА в нечто более значимое, чем просто культурно-историческая близость и взаимная симпатия обществ и народов. Кроме

того, в этом контексте Баку активно пользовался и широким инструментарием воздействия на Париж посредством европейских структур и Запада в целом, достаточно трезво оценивая ограниченность возможностей Франции по слову общей стратегии США и Брюсселя в отношении проблем Южного Кавказа.

И, все же, на данный момент этой слом в определенном смысле уже наблюдается. Иной вопрос, насколько Париж движим собственной инициативой в вопросе разбалансировки своих отношений с Ереваном и Баку, и не является ли демонстрируемая им попытка кардинального военно-политического сближения с Арменией всего лишь фрагментом игры доминирующих в НАТО англосаксов на выдавливание РФ из Южного Кавказа? Ведь даже с учетом такой логики просчитанных геополитических процессов, Париж должен быть готов к тому, что испортит свои взаимоотношения как с Баку, так и с Анкарой. Едва ли французская власть не понимает это. И, тем не менее, Франция готова сыграть взятую на себя роль. Это может означать, что ожидания Макрона и его правительства от политики поддержки Армении более значимы, нежели издержки от новой волны политико-дипломатического кризиса отношений с Турцией и Азербайджаном.

В настоящее время признаки указанного кризиса уже проявляются в агрессивной риторике сторон, в дипломатических скандалах с высылкой посольских служащих и «шпионских историях». Вместе с тем, события свидетельствуют, что прогнозы некоторых аналитиков о скорой разрядке напряжения в отношениях Парижа и Баку ввиду большой важности бизнес-интересов, могут не оправдаться.

В силу множества факторов стереотип о доминировании экономических интересов Парижа на Апшероне в комплексе целей южнокавказской политики объективно преувеличен, как, впрочем, и переоценены возможности АзР создать проблемы глобального порядка для французских компаний. Частные интересы нефтегазового гиганта *Total* и связанных с ним финансово-политических групп во Франции, безусловно, имеют большое влияние на политику официального Парижа. Однако значение и функции *Total* в контексте внешнеполитической доктрины Пятой Республики не могут быть весомее роли печально известной французской нефтяной компании *Elf*, в свое время представляющей интересы французского капитала в Западной Африке. Эта компания была проводником интересов Парижа в странах Сахеля и совместно с французской разведкой осуществляла шаги по распространению влияния Пятой Республики на местные политические режимы. Впоследствии *Elf* была уличена не только в проведении собственной независимой политики в Африке, но и в стремлении установить контроль над политическими властями в Париже путем подкупов, коррупционных сделок и незаконного финансирования предвыборных кампаний. Спустя два десятилетия бурной деятельности более 40 членов руководящего состава *Elf* были арестованы и осуждены на длительные сроки. Сама же компания была ликвидирована, а ее активы объединены с компанией *Total Fina*, которая в 2003 г. сменила название на *Total*. В результате этого преобразования Франция многократно ужесточила механизмы государственного контроля над компанией *Total* и другими транснациональными гигантами, полностью поставив в зависимость их частные

интересы от политической доктрины страны и сведя к минимуму возможности лоббинга воззрений, расходящихся с генеральной линией Парижа.

В сфере этой данности наращиваемая президентом Макроном политика «инфильтрации» в Армению с перспективой военно-политического патроната приобретает характер уверенных шагов, не обремененных боязнью попасть под экономический шантаж АЗР и давление собственных компаний-интересантов. С другой стороны, учитывая напряжение между Парижем и Баку в политико-дипломатической плоскости, можно предположить, что для Франции приемлемы такие издержки и, как минимум, в данном виде они не смогут удержать Пятую Республику от попыток реализации неких новых планов в отношении Армении.

Таким образом, кардинальная активизация Парижа по двум упомянутым направлениям очевидна, как и взаимосвязь этих практически синхронных геополитических начинаний. Для осмысления их целей следует обратиться еще к одному важному геополитическому событию для Франции, историческая значимость которого осталась в тени текущих событий на Ближнем Востоке и Украине.

Речь идет об окончательной и бесповоротной ликвидации так называемого проекта *Fransafrik*, последним актом которого стал вывод французского военного контингента из Нигера осенью 2023 г. в результате случившегося там переворота. Еще до этого, на протяжении всего 4 лет в регионе Сахель и Западной Африке, традиционно считающейся вотчиной Французской Республики, произошло 7 военных переворотов, опрокинувших режимы, тесно взаимодействовавшие с Парижем. Тем самым, остатки постколониального патроната Франции в Африке, архитектуру которого заложил еще в 60-ых прошлого века советник Де Голля «серый кардинал» республики Жак Фоккар, были окончательно изъяты из геополитической повестки Парижа.

В целом, Франция долго шла к подобной развязке. И причины такого исхода лежат в девальвации самой идеи французского неокOLONIALИЗМА, как «*необходимой гуманной концепции, спасающей периферии бывшей империи от разрухи*». А также в индифферентности французского общества, не желающего рассматривать африканский патронат в контексте державного наследия французской нации. С другой стороны, утрата Сахеля и Западной Африки в целом стала неизбежной, учитывая закоснелые методы «пестования» и поддержки «франкоафриканских» режимов и бюрократий со стороны Парижа, а также его неспособность сдерживать натиск китайского капитала, «заливаемого» Пекином в Африку на протяжении последнего десятилетия.

Нарратив о вине Макрона в сдаче «Французской Африки» китайцам, британцам и русским ныне очень популярен в политической жизни Пятой Республики, особенно – в среде праворадикалов. Между тем, как представляется, вина действующего лидера ФР заключается лишь в том, что именно на его президентский срок пришлась развязка необратимого процесса деактивации французского влияния на черном континенте. Африканская политика Н. Саркози и Ф. Олланда, попытавшихся силовым вмешательством остановить процесс девальвации авторитета Парижа в Сахеле, на деле лишь ускорила неизбежный распад неокOLONIALНОЙ архитектуры Фоккара,

обломками которой ни Макрон и ни какой-либо другой лидер не смогли бы сконструировать хотя бы отдаленное подобие «*Fransafrik*». Первый – Саркози – встал во главе коалиции, уничтожившей Ливию Каддафи, и открывшей путь исламизации идеи борьбы с «коронованными» Парижем диктаторскими режимами Сахеля. Второй же – Олланд – актами интервенций в Кот-д'Ивуаре и Мали усугубил конфликт между чернокожими жителями Сахеля и сегментами арабоязычных племен, ускоривший фрагментацию и фактический распад суверенных субъектов Французской Африки.

В таких условиях правительству Макрона оставалось лишь признать несостоятельность Франции в деле дальней «опеки» над субъектами в Сахеле и выполнить ультиматум хунтистов Нигера с требованием свернуть свое военное присутствие в этой стране.

Африканский провал, тем самым, полностью лег на плечи Макрона, но, по большому счету, его политическую репутацию спас тот факт, что во многом благодаря разоряющей Европу украинской войне, французское общество стало менее терпимым по отношению к внешней активности страны. Утрата Французской Африки – это, безусловно, тяжелый удар для Парижа, лишившегося не только дешевой ресурсной базы и обширного рынка сбыта в 300 миллионов человек, но и удобной площадки для «казарменного содержания» и обкатки своих военных соединений, предназначенных для использования в интересах Республики за пределами ее непосредственных границ. «Французский иностранный легион» – уникальный в общемировой практике формат вооруженных сил, который с момента своего создания в 1831 г. успешно выполнял для Парижа задачи по колонизации территорий в Африке, Северной Америке, Юго-Восточной Азии, во франко-прусских войнах, а также сыграл огромную роль для Четвертой Республики во время двух мировых войн, – ныне оказался в статусе «*армии на колесах*». Традиционно Легион не может быть размещен на долгосрочной основе на непосредственной территории Франции. Также этого не допускают особенности его комплектации и правовой статус. С рассматриваемой военной единицей следует что-то делать, и это задача не менее важна для Макрона, чем проблема реорганизации французского капитала в Африке, пересмотр внешнеполитической доктрины Франции и программа шагов по восстановлению имиджа страны в мире.

В этой связи следует отметить, что ироничные, а зачастую и саркастические замечания международных оппонентов Парижа в связи с «сахельским позором» и с диссонирующими на его фоне «наполеоновскими» замашками Макрона, мягко говоря, не совсем уместны. Действия французского лидера вызваны объективной необходимостью завершения дел с «африканским наследием» Республики и поиском оптимальных решений, компенсирующих имиджевые, материальные и политические потери Франции в глобальной африканской неудаче. В этом смысле активизация вовлечения Франции в проблемные регионы связана с необходимостью удержать как внутренний баланс, так и равновесие во внешней системе координат, где Пятая Республика стоит перед опасностью потерять свой веский голос в преддверии нового глобального миропорядка.

Метаморфозу поведенческой линии «мягкотелого» Макрона и его внезапно активированную милитаристскую риторику едва ли следует рассматривать сквозь призму банальных личностных амбиций французского лидера, вдруг «заболевшего» комплексом Наполеона. Скорее всего – это продиктованная угрозой потери (национальной) идеи державности попытка апелляции к некоему подобию голлизма. Концептуальной линии, в которой самостоятельный выбор и путь страны никоим образом и ни при каких условиях не ставятся в зависимость от геополитической конъюнктуры и давления как союзников, так и врагов. На первый взгляд, Макрон и стоящие за ним элиты прибегают к радикализации своих позиций по отношению к России, однако на самом деле главная цель такой максималистской позиции заключается в требовании Парижа от союзников по НАТО более обширной площадки для реализации геополитических амбиций Франции и закрепления в определенных региональных локациях, долженствующих компенсировать «африканскую потерю». Ведь на самом деле эта потеря стала возможной во многом благодаря деструктивному для Парижа проникновению во французскую вотчину британского капитала, а также по причине ослабления поддержки США Парижу для нейтрализации расширяющегося китайского влияния на Африканском континенте. И, наконец, в результате поджога «исламской бочки» Вашингтоном, в русле политики которого слепо действовали правительства Саркози и Олланда.

Абсолютно иной вопрос, насколько соответствуют личные качества Эммануэля Макрона и его политический ресурс высокой планке требований, предъявленных союзникам. Не ясно, сможет ли на самом деле «Французский легион» обеспечить Парижу достаточную долю от «украинского пирога», и в состоянии ли будет он закрепиться в перспективе, как прогнозируют многие аналитики, в Армении. В конце концов, ход событий зависит не только от макроновской команды и лично французского президента, но и массы глобальных геополитических факторов. Однако суть в том, что Пятая Республика требует для себя новой геополитической ниши. И она склонна рассматривать наступивший в мире этап турбулентности не только как время потерь, как это произошло в Сахелем, но и как окно возможностей, которые нельзя упускать, пока оно не захлопнулось.

Контуры новой французской доктрины, направленной на расширение своего влияния, уже явно обозначены: Средиземноморье – Черное море – Южный Кавказ – Иран – Индия. Именно на этом обширном географическом пространстве видит Париж реализацию своих державных амбиций, ресурсную базу, рынки сбыта и военное присутствие. Это наиболее привлекательное пространство для реанимации идеи державности Франции, даже если она станет инструментом в политике вашингтонско-лондонской связки, и даже если французские легионеры будут выполнять роль ландскнехтов для глобальной англосакской доктрины либерального миропорядка. Едва ли это помешает Парижу декларировать, что он движим исключительно собственными интересами и самостоятельностью, как завещал жить Франции Шарль де Голль.